

Генерал Карлос Пратс

Карлос Пратс — главком времен глубоких перемен

УДК 94(83)

11 сентября 1973 г. в Чили произошел военный переворот. Это был не обычный мятеж гарнизонного типа, а отлично спланированная военная операция, в центре которой была комбинированная атака с применением авиации, артиллерии и пехоты. Восставшие сразу же заняли все государственные и правительственные учреждения. Офицеров, отказавшихся поддержать путч, расстреляли. В результате переворота были свергнуты президент Сальвадор Альенде и правящая партия Народного единства. К власти пришла военная хунта. Ее лидером считался главнокомандующий сухопутными войсками Чили Аугусто Пиночет Угарте, сменивший на этом посту выдающегося военного и политического деятеля Чили генерала Карлоса Пратса, о котором и пойдет речь в данной статье. Статья повествует о времени, когда он командовал чилийской армией, и кульминационном моменте в его военной карьере, а также о том, какую роль Пратс сыграл в драматических событиях, имевших место в Чили в 70-х годах XX в. Здесь также приведены записи из личного дневника Карлоса Пратса, в котором он поведал о том, что означали для его страны годы работы правительства Сальвадора Альенде и какова была подлинная роль вооруженных сил Чили в политическом процессе, происходившем в стране.

Ключевые слова

Карлос Пратс, Сальвадор Альенде, Аугусто Пиночет, переворот, вооруженные силы, политика, Рене Шнейдер, дневник, Чили, США, правительство, президент, экономика.

Автор

Агаева Диана Магомедовна — научный сотрудник научно-исследовательского центра фундаментального многоотомного труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» Военного университета МО РФ, магистр истории Европейского университета (Ганновер, Германия).

Генерал Карлос Пратс — крупный военный и политический деятель — являлся одним из ключевых действующих лиц чилийской драмы, и потому его имя навсегда останется в истории Чили. Генерал Пратс был самым влиятельным сторонником президента Альенде [1, с. 36–40] в армии, несколько раз входил в состав его кабинета министров. В 1972 г. Альенде назначил Пратса вице-президентом [2]. Карлос Пратс пользовался большим уважением среди солдат и офицеров чилийской армии, чем вызывал беспокойство у представителей оппозиции и сторонников генерала Пиночета. Выступавшие против Пиночета военные видели в Пратсе своего возможного вождя. Этим можно объяснить тот факт, что после переворота консервативная чилийская печать сразу же развернула активную кампанию против генерала Пратса. Сторонники оппозиции опасались, что он не сможет остаться вне политики, несмотря на свои убеждения. Именно Карлоса Пратса объявляли ответственным за то положение, в котором оказалась страна.

Интенсивная деятельность правых сил началась еще до президентских выборов 1970 г. [3, с. 21–30], на которых победил доктор Сальвадор Альенде [4, с. 396–402]. Представители оппозиции решили пустить в ход все средства, в первую очередь поднять на военный путч вооруженные силы. Однако являвшийся в то время главнокомандующим чилийской армией Рене Шнейдер [3, с. 33–48] и его заместитель Карлос Пратс решительно отвергли попытки правых сил втянуть армию в политическую борьбу. Генералы Шнейдер и Пратс были прежде всего военными и исходили из того, что задача главнокомандующего армией — остаться верным конституции и использовать вооруженные силы для ее защиты.

Позиция генерала Шнейдера довольно ясно показывала, что внутри вооруженных сил складывалось направление, сторонники которого были готовы поставить вооруженные силы на службу начатым Сальвадором Альенде глубоким преобразованиям.

В то же время в чилийской армии формировалась другая группировка, куда вошли решительные противники доктрины Шнейдера. Они сделали все, чтобы привлечь на свою сторону главнокомандующего. Однако, окончательно убедившись в том, что это не удастся, решили похитить его. Чилийские военные при содействии треста ИТТ и агентов ЦРУ разработали план — они хотели осуществить эту акцию таким образом, чтобы она казалась делом рук крайне левых сил [5, с. 59–60, 68–70, 180]. Но их план провалился. Рене Шнейдер оказал сопротивление, и нападавшие застрелили его [6, с. 45–67]

Генерал Карлос Пратс, который сменил Шнейдера на посту главнокомандующего, был солидарен с его взглядами. Применительно к новым обстоятельствам он развил и углубил так называемую доктрину Шнейдера.

Доктрина Шнейдера — Пратса, как ее называли, создала не-

Генерал Рене Шнейдер

Президент Сальвадор Альенде

обходимые условия для вовлечения армии в процесс общественно-экономических преобразований и углубления ее сотрудничества с правительством Народного единства [7, с. 260–261].

В ходе общественных преобразований вооруженные силы политически активизировались, и в их рядах началась борьба между различными направлениями, исход которой был далеко не однозначен.

Этим можно объяснить нападки оппозиции на военное руководство, в первую очередь на генерала Карлоса Пратса — его обвиняли в том, что он «продался Народному единству» [6, с. 14–25; 1, с. 77–82]. Деятельность Пратса, его верность доктрине Шнейдера, естественно, не вызвала симпатий у оппозиции и консервативных офицеров, плани-

ровавших свержение Сальвадора Альенде. Они понимали, что главным препятствием в реализации их планов являются Карлос Пратс и его ближайшие сотрудники — Марио Сепульведа, Гильермо Пикеринг, Альберто Бачелет, Серхио Поблете, адмирал Рауль Монтеро, разделявшие его взгляды и во всем ему помогавшие.

Заговорщики опасались, что в случае восстания Пратс направит вооруженные силы на его подавление. И поскольку в чилийской армии чрезвычайно высока дисциплина, она беспрекословно выполнит приказы главнокомандующего. Именно поэтому они считали необходимым изолировать генералов, верных правительству Альенде, в частности Карлоса Пратса. Оппозиция начала активную кампанию против Пратса, его обвиняли в «незаконных акциях», «злоупотреблении властью», требовали, чтобы он подал в отставку, ушел с постов министра обороны и главнокомандующего армией.

Последний удар Пратс получил в середине августа 1973 г.: жены правых военных организовали перед домом главнокомандующего демонстрацию протеста, требуя, чтобы Пратс ушел со всех постов. Карлос Пратс должен был принять этот ультиматум [5, с. 111–114; 7, с. 261; 7, с. 278]. Из его письма Сальвадору Альенде видно, какие причины вынудили его подать в отставку. В письме он упоминает, что против него развернули клеветническую кампанию, и подчеркивает, что за ней стоят те же люди, которые стремятся свергнуть правительство [7, с. 258–261].

Оппозиция, удалив Пратса с политической арены, значительно укрепила свои позиции в армии. На место Пратса был назначен Аугусто Пиночет, который 11 сентября 1973 г. встал во главе восстания [8].

Генерал Пиночет в первые же дни восстания выслал Карлоса Пратса в Аргентину. Очевидно, глава хунты считал, что, оказавшись за Кордильерами, Пратс будет неопасен. Но память о Карлосе Пратсе в армии была жива, и это совершенно не устраивало Аугусто Пиночета.

Генерал Пратс и его жена были убиты в Буэнос-Айресе 30 сентября 1974 г. при невыясненных обстоятельствах. Сторонники потерпевшего поражение правительства Альенде обвиняли в его смерти Аугусто Пиночета.

Известно, что Карлос Пратс собирался написать книгу и для этого делал записи. Из его записей видно, что представления об «аполитичности чилийской армии», господствовавшие долгое время, были неверны. Этот ошибочный взгляд, который разделял и президент Альенде, был в определенной степени причиной падения правительства Народного единства.

Генерал Пратс часто задумывался о том, какой будет его книга. Будет ли это хроника нового прекрасного периода в истории Чили или хроника эпохи кризисов, а может быть, история того, как его страна искала свой путь среди бесчисленных запутанных дорог развития человечества? Он не знал, но был твердо уверен в том, что никто не заставит его сойти с избранного пути, в который он верил и за который готов был бороться всеми силами [2].

Пратс считал, что человечество толкает вперед эгоизм и амбиции, и всегда желал придать высокий смысл своей жизни, чтобы его потомки могли им гордиться.

Как военного руководителя и в какие-то моменты председателя правительства его чрезвычайно беспокоили тяжелые экономические проблемы страны,

Генерал Аугусто Пиночет

и он всеми силами стремился помочь их решению.

Действительно, в чилийской экономике в 1973–1974 гг. были трудности, и очень серьезные. В системе снабжения имели место большие перебои, цены росли с невиданной скоростью, расширялся черный рынок. Производительность труда на многих предприятиях не достигала предписанного уровня. Производство демонстрировало тенденцию к снижению [4, с. 396–402].

Генерал Пратс часто задумывался: чем это можно объяснить? Экономической политикой правительства? Ошибками Народного единства? До определенной степени — да. Но не только этим. Нельзя было оставлять без внимания важные экономические завоевания этого правительства, в частности возвраще-

ние чилийскому народу права самостоятельно распоряжаться природными богатствами, имеющее историческое значение. Правительство Сальвадора Альенде достойно выполнило эту задачу, что наполняло гордостью сердце каждого чилийца. Национализация месторождений меди, железа, селитры и угля означала решительный шаг вперед кулучшению ситуации в экономике страны.

Кроме этого правительство Народного единства взяло под контроль финансовый аппарат страны, банки и крупные предприятия стратегической важности.

Исходя из этого Пратс считал, что Народное единство, если бы имело власть над некоторыми обстоятельствами, смогло бы нормализовать экономику и вывести страну из хронической отсталости.

Он был глубоко убежден, что недостаток продуктов и других товаров, который, к слову, искусственно создавался многими торговцами, спекуляция, инфляция, черный рынок имели не только экономические причины. Наряду с экономическими факторами здесь играли роль и политические, прежде всего разрушительная работа и обструкция оппозиции, всеми силами пытавшейся затруднить деятельность законной власти [9].

Правительство натолкнулось на сопротивление оппозиции и само совершало ошибки, которым, по мнению Пратса, придавало меньше значения, чем следовало. Он считал, что больше всего глупостей Народное единство наделало в сельском хозяйстве. Каждая партия, сельскохозяйственная организация, каждый руководитель и член парламента руководствовались собственными соображениями. Это только уси-

лило реваншистские настроения владельцев национализированных земель или жертв «захватов».

Когда Карлос Пратс принял пост в правительстве, он написал в своем дневнике: «Я сделал это с той убежденностью, что мы, люди оружия, по нашему особому положению сможем содействовать объединению страны или по крайней мере подавляющего большинства чилийцев в выполнении такой прогрессивной исторической задачи, где не играют роли этикетки каких-либо группировок.

Пратс считал, что человечество толкают вперед эгоизм и амбиции, и всегда желал придать высокий смысл своей жизни, чтобы его потомки могли им гордиться.

Я останусь на своем месте до тех пор, пока буду уверен, что могу помочь в этом. И если однажды я почувствую, что потерпел поражение, я уйду, чтобы другие постарались выполнить не решенную мной задачу» [7, с. 264–265].

Главкомандующий считал, что с помощью шумной кампании оппозиция стремилась убедить «человека с улицы», домохозяек и даже военных, что во всех экономических трудностях, в хаосе и неуверенности виновато правительство президента Сальвадора Альенде. Это правительство, по мнению оппозиции, не только не было способно преодолеть их, но и прямо стремилось к взрыву, тем самым навязывая стране тоталитаризм. Из этого, как считали представители оппозиции, логически следовало, что правительство необходимо заменить более сильным и эффективным, пользующимся доверием и поддержкой большинства населения.

Казалось, что в Чили исчезли честность, уважение и патриотизм. Использовалось все:

ложь, стремление опозорить, насилие. Главное, в чем обвиняли правительство, — перебои в снабжении.

Особое беспокойство доставляла деятельность организации «Родина и свобода». Она действовала очень умно, выступая в качестве инструмента насилия, направленного против правительства и Народного единства, и, что было опаснее всего, стремилась проникнуть в ряды вооруженных сил.

Что касается Карлоса Пратса, то на него оппозиция нападала так,

как в прошлом столетии не нападали ни на одного активного чилийского военного. Он признавал, что эти нападки служили очень опасной цели: ослаблению сплоченности армии, насаждению в ее рядах неуверенности, нерешительности, разрушению необходимого единства родов войск.

В преддверии парламентских выборов в Чили в 1973 г. он писал в своем дневнике, что впервые в истории страна идет к избирательным урнам, разделенная надвое двумя партийными коалициями: Федеральной партией Народного единства и Конфедерацией демократии — CODE [10], которую образуют Национальная партия, христианские демократы, «левые» радикалы и Радикальная демократия. Он считал, что Федеральная партия Народного единства корнями уходит глубоко в прошлое, базируется на единой программе и имеет левые цели, в то время как у Конфедерации нет единой программы, ее партии объединяет только общая цель — создать оппозицию и свергнуть президента

Альенде. Итоги парламентских выборов не стали для Карлоса Пратса неожиданностью — победило Народное единство, и он был рад тому, что результаты голосования развеяли миф, согласно которому чилийские трудящиеся отвернулись от правительства.

Главком считал, что после выборов правительство находилось в самом благоприятном положении, чтобы сделать шаг вперед из «ничьей» с политической оппозицией. Но он также отмечал и то, что все зависит от инициативной силы президента и правящей коалиции. От того, насколько они, используя любовь к родине и мирной

этот вопрос в одиночку. Необходимо было достичь договоренности с христианскими демократами.

Генералы доложили, что, по их мнению, правительство должно принять меры по разоружению как правых, так и левых группировок. Нельзя терпеть ежедневные стычки. Прежде всего необходимо восстановить общественный порядок, чтобы каждый чиновник независимо от партийной принадлежности выполнял решения правительства. Что касается внешней политики, генералы считали, что Чили следует стремиться к улучшению отношений с Соединенными Штатами. Речь шла не о достижении

Собственники большей части промышленных компаний боялись, что страна останется под властью Народного единства и будет двигаться к социализму. Поэтому они хотели свергнуть Чили в экономическую катастрофу, абсолютно не заботясь об интересах нации. По собственной прихоти определяли и повышали цены; вместо того чтобы расширять, сокращали производство.

Пратс не сомневался, что стране нужна власть. Решительные, без зигзагов и анархизма действия исполнительной власти, ясные для всех правила игры обеспечили бы президенту и правительству решающую поддержку тех, кто колебался или начал склоняться к активной оппозиции.

Впервые с момента прихода к власти Народного единства многие члены военных учреждений открыто и иногда в резкой форме стали выражать несогласие с политикой правительства.

Генерал Пратс хорошо понимал, что для чилийских офицеров, включая генералов, всегда была характерна слабая политическая подготовка. Они легко становились жертвами лести, их было нетрудно поймать в сети, поскольку их готовили не к политической деятельности, а к защите суверенитета страны и войне. Он чувствовал, что самым важным на тот момент являлось сохранение единства вооруженных сил, так как раскол генерального штаба и офицерского корпуса нанес бы тяжелый удар по боеспособности чилийской армии. И враги Чили на континенте постарались бы воспользоваться этим. Поэтому генерал считал своей первоочередной обязанностью использовать всю свою энергию и авторитет для сохранения такого единства [6, с. 195–196].

Генерал не мог допустить, чтобы военные предали Родину с оружием в руках, которое им доверили государство и народ, и запятнали форму кровью тысяч соотечественников.

жизни большинства чилийцев, способны добиться их согласия на решающие шаги. «Если Вы получите это согласие, то наверняка сможете рассчитывать на патриотическое содействие вооруженных сил», — сказал он президенту.

5 апреля 1973 г. Пратс сделал в своем дневнике запись о том, что президент принял группу генералов, в которой был и он сам. Военные передали Альенде меморандум, где говорилось о том, что пришло время на основе согласия большинства нации точно определить три экономических сектора. Затягивать дальше было нельзя. Они не сомневались, что президент и правительство в состоянии реализовать зафиксированные в программе общественно-экономические преобразования. Но им было ясно и то, что ни президент, ни партии Народного единства не смогут решить

такого компромисса, который бы унизил национальное достоинство чилийцев, а о стремлении к взаимопониманию и рациональному сотрудничеству. Это было просто необходимо [7, с. 267–270].

В своем дневнике главком часто писал о том, что его сильно беспокоят призывы некоторых политиков не признавать правительство президента Альенде в качестве законной власти. Он считал, что реализация такой важнейшей программы, как экспроприация, невозможна без сопротивления, и был убежден, что в интересах мира и порядка в стране следовало провести реформу Конституции или принять соответствующий закон. Обострились антиправительственные выступления в печати и Конгрессе. Оппозиция старалась убедить в том, что Чили стоит на пороге гражданской войны.

Карлос Пратс и Рене Шнейдер

Главком был твердо убежден в том, что необходимо утвердить авторитет исполнительной власти, покончить с анархией, реорганизовать снабжение населения продовольствием и товарами первой необходимости, и сделать это сможет лишь гражданско-военное правительство. Только строгое применение принципа безусловного подчинения и авторитет могут спасти армию и вооруженные силы от кризиса, разделения и братоубийственной войны, только это может избавить страну от кровавой бойни. И Карлос Пратс был намерен отстаивать свои убеждения ценой собственной жизни. Генерал не мог допустить, чтобы военные предали Родину с оружием в руках, которое им доверили государство и народ, и запятнали форму кровью тысяч соотечественников. В дневнике он писал: «Армия и вооруженные силы никогда не занимались столько политикой, как с момента драматических событий 29 июня. Я пессимист. Если дела пойдут так и дальше, если правительство будет таким нерешительным, раскол внутри вооруженных сил неизбежен. Несомненно, контроль оружия необходим. Однако то, что закон

используется как повод для подавления рабочего класса, есть злоупотребление».

Главкомандующий постоянно подвергался жесткой критике со стороны правых сил, что, несомненно, говорило не просто о враждебной настроенности, но и о намерении правых сделать его козлом отпущения, удалить с поста и тем самым облегчить осуществление путча.

7 августа 1973 г. президент Альенде сообщил Пратсу о том, что хочет сформировать новое правительство, в котором будут представлены вооруженные силы и полиция, и попросил генерала войти в его состав. Пратс ответил, что согласен с необходимостью формирования нового правительства, но было бы хорошо, если бы в него вошли также главнокомандующие всех остальных родов войск и руководство полиции. Кроме того, необходим был единый кабинет, который сформулировал бы ясную политику национального соглашения и создал прочный авторитет, нужно было выйти из политической «ничьей», парализовавшей Народное единство. Такой кабинет, полагал Пратс,

на основе программы Народного единства сможет достичь договоренности с христианскими демократами, начать с ними диалог [6, с. 193–194].

9 августа 1973 г. Карлос Пратс сделал такую запись в своем дневнике: «Я снова в составе кабинета: во главе Министерства обороны, о чем я просил президента. Мне кажется, что правительство национальной безопасности — с участием главнокомандующих и главнокомандующего полицией — последний шанс для Чили.

Есть и главная причина, по которой я, будучи главнокомандующим, принял участие в правительстве. Я не могу допустить, чтобы все увлеклись второстепенными спорами и отошли от главной цели» [7, с. 286–290].

Главкома преследовала мысль, что Эдуардо Фрей рассчитывал на то, что вооруженные силы, свергнув законное правительство, облегчат его приход к власти, то есть свершится то, чего ему не удалось добиться на выборах.

Сильным ударом для генерала стала демонстрация 22 августа 1973 г. жен генералов и офицеров, служивших под командованием Пратса. Они устроили митинг у его дома, обвиняя его в неспособности восстановить гражданский мир в Чили. Эта позорная акция, а он считал ее позорной еще и потому, что только трусы прячутся за женские юбки, убедила его в том, что он утратил поддержку своих товарищей-офицеров. В дневнике генерал написал: «В армии не будет единства до тех пор, пока в ней будут вместе служить я и те генералы, которые прислали своих жен к моему дому — дому главнокомандующего. Это не частный, а официальный вопрос». Генерал был убежден, что это была не импровизация, а заранее спланированная акция. Позже один из

его бывших соратников обвинил его в том, что он хочет вынудить армию следовать марксизму, и требовал, чтобы главнокомандующий ушел в отставку. На это Пратс ответил, что он хочет, чтобы армия выполняла конституцию.

Из дневника Карлоса Пратса: «Когда позже меня навестил президент, я рассказал ему о разговоре с Оскаром Бонильей. Мы договорились о том, что в одиннадцать часов вечера я пошлю на улицу Томаса Моро генерала Урбину, пусть примет меры против начавшегося путча.

Позднее меня навестили генералы Пиночет и Урбина, проинформировали о разговоре Урбины с президентом. Мы обсудили обстановку, я отдал последние указания, а затем Пиночет и Урбина выехали на улицу Томаса Моро.

Когда позднее Пиночет отчитывался о разговоре с президентом, он так цитировал самого себя: „Господин президент, я готов пожертвовать жизнью ради защиты конституционного правительства, которое вы представляете“.

Утром события развивались дальше, уже в Министерстве обороны. Все генералы, поговорив сначала с глазу на глаз с Пиночетом, приходили ко мне в кабинет и заверяли в своей верности. В заключение Пиночет сказал: „Господин генерал, армия как один человек стоит на вашей стороне. Мы имеем причины для беспокойства только из-за небольшой конспиративной группы Бонильи и Фрея“.

Во второй половине дня следует драматическое совещание, на котором те, кто утром клялся в верности, повернулись ко мне спиной.

В „Ла Монеда“ я информирую президента: „Господин президент, я остался в меньшинстве

Карлос Пратс с супругой Софией

в генеральском корпусе. Генералы в беспокойстве. Дисциплина и уважение к правительству подорваны“.

Мы стоим на пороге гражданской войны и противостоящие силы — политические силы и учреждения, гражданские и военные — занимают свои позиции.

Мне ничего не остается, нужно уходить в отставку. Я не хочу быть причиной или поводом кровавой бойни. Никогда еще я не чувствовал так сильно, как сейчас, в эти тяжелые минуты, что означает для меня безграничное понимание и поддержка Софии» [7, с. 278–280].

23 августа 1973 г. Пратс записал в своем дневнике: «Моя служба закончена. Я не хочу переоценивать свою роль, но считаю свой уход преддверием государственного переворота и великого предательства». Генералу было горько осознавать, что вооруженные силы, которые президент при вступлении в должность засыпал похвалами, особо подчеркнув их «верность конституци-

онным нормам и закону», попали под влияние оппозиции и их стали использовать против конституционного строя, для его свержения.

Он чувствовал глубокое сожаление, когда видел горящие глаза офицеров и подофицеров, ожидающих момента начала великих героических действий — прихода к власти вооруженных сил ценой гражданской войны [11].

Они не знали, что их ждет. Если они победят, начнется самый мучительный и самый темный период в истории страны. Они не понимали, что имеющие власть военные будут инструментом даже самых малых экономических интересов. Законом станут коррупция и карьеризм. Однодневный мираж победы обернется трагедией, запятнает авторитет вооруженных сил, будет угрожать самой их организации.

23 августа 1973 г. Карлос Пратс написал письмо президенту Альенде: «Его Превосходитель-

ству господину Президенту, доктору Сальвадору Альенде Госсенсу, „Ла Монеда“.

Ваше Превосходительство! Вы, став президентом Республики, посчитали правильным назначить меня начальником генерального штаба, на тот пост, который я занимал временно после смерти господина генерала Шнейдера.

Ваше Превосходительство ранее не знали меня, и это назначение вытекало исключительно из уважения к армейской иерархии.

В речи на похоронах генерала Шнейдера 26 октября 1970 г. я дословно сказал следующее: „Чили подошло к поворотному моменту своей судьбы, и это вынуждает ее выбирать между двумя динамическими альтернативами в интересах национального самоопределения: между сметающим все насильем и солидарной жертвой“.

Я понял, что армия уже не является самостоятельной частью национального союза и что давление, напряженность, сопротивление, сопутствующие значительным переменам в рамках Конституции и наших законов, все более угрожают традиционной обособленности армии от политической жизни.

Именно поэтому своей самой главной целью в качестве главнокомандующего вооруженными силами я определил обеспечение единства вооруженных сил, их безусловного подчинения, а также того, чтобы армия и дальше действовала по своему предназначению в рамках, предписанных Конституцией. С другой стороны, я работал над тем, чтобы подготовить и выполнить чрезвычайно важный план развития родов войск, имевший целью повышение эффективности.

Я поддерживал стремление Вашего Превосходительства вовлечь вооруженные силы в масштабные задачи развития страны, которые, учитывая новое понятие „геоэкономического суверенитета“, очень важны и с точки зрения национальной безопасности.

Десять месяцев назад обострение политических и других разногласий вынудило Ваше Превосходительство просить вооруженные силы принять участие в правительстве, не обязываясь при этом никакой партией. Мне была оказана большая честь — назначение министром внутренних дел в такой период, когда следовало защитить законность, объективно обеспечить процесс обновления парламента. На те две недели, когда Ваше Превосходительство были вне страны, совершая поездку международного значения, мне были доверены пост и ответственность заместителя президента Республики.

Затем я вернулся к моим более узким обязанностям, пока несколько недель назад Вы снова не попросили меня возглавить Министерство обороны. Вы были проникнуты искренним патриотическим намерением в условиях чрезвычайно тяжелого экономического кризиса избежать трагедии — угрожавшей стране братоубийственной войны. Я принял это поручение с той искренней убежденностью, что мой патриотический долг — поддерживать Ваше ясное и твердое решение провести преобразования в рамках конституции и законности, что потребовало немедленного открытия парламента.

За эти два года и десять месяцев я перенес много нападок — оскорблений, клеветы, брани со стороны тех, кто стремится свергнуть Ваше правительство,

и переносил это в том убеждении, что большинство членов вооруженных сил понимает подлую политическую подоплеку развязанной против меня кампании.

Однако, видя в последние дни, что моим противникам удалось вызвать замешательство в некоторой части офицерского корпуса, я, как верный принципам военный, считаю своим долгом не допустить, чтобы я стал причиной нарушения дисциплины в армии и правопорядка в государстве, и не дать никакого повода тем, кто хочет свергнуть конституционное правительство.

Поэтому я со спокойной совестью представляю свой необратимый рапорт об отставке с поста министра обороны, в то же время прошу уволить меня из армии, в которой я служил с полной отдачей сил более сорока лет.

Я глубоко благодарен Вашему Превосходительству, что, зная о моей абсолютной политической нейтральности, Вы оказывали мне такое большое доверие, и еще раз выражаю по отношению к Вам мое искреннее уважение за то сознание ответственности, с которым Вы руководите судьбой страны.

Пользуясь случаем, я смею просить Ваше Превосходительство передать мою благодарность членам правительства и советникам, которые, независимо от их партийной принадлежности, могли оценить мою профессиональную деятельность, проводимую мной на занимаемых министерских постах.

*Глубоко уважающий
и ценящий Вас
генерал армии
Карлос Пратс Гонсалес»
[7, с. 279–280].*

Военная хунта Чили (слева направо): генерал Мендоса, адмирал Мерино, генерал Пиночет, генерал Ли Гусман

«Самый трудный момент в жизни военного, когда он уходит из армии. Теперь это пережил и я», — сколько горечи и одиночества в этих слова генерала Пратса. «Я хожу по дому и чувствую, будто все стало другим. Звонят по телефону старые друзья, соратники, выражают свою товарищескую солидарность. Приходят телеграммы и делегации. Одна из делегаций передала мне покрытое подписями знамя, на котором была надпись „генералу народа“. Я до сих пор не представлял, что моя скромная персона может вызвать такую симпатию у людей, которые даже не знали меня непосредственно. Для них я олицетворяю того военного, кто является принципиальным сторонником прогресса, желаемого подавляющим большинством чилийцев».

Генерал Пратс верил, что наступит день, когда он начнет писать книгу о роли вооруженных сил в чилийском обществе. Он хотел, чтобы эта книга в будущем помогла вооруженным силам Чили вновь обрести свою настоящую миссию: строитель-

ство независимой, суверенной, процветающей и свободной страны. Пратс часто вспоминал тот день, когда, после того как Альенде принял его отставку, он обедал с президентом во дворце «Ла Монета». Президент спросил, какого мнения генерал о своем преемнике Аугусто Пиночете. Пратс молчал, и президент повторил свой вопрос, поинтересовавшись, не сомневается ли генерал в преданности Пиночета. Ответ Пратса был таким: «Нет, господин президент. У меня нет причин отговаривать Вас от назначения Пиночета главнокомандующим. Я верю в то, что он будет так же помогать Вам, как и я».

Дальнейшие события показали, кто такой Пиночет — безгранично амбициозный подлец малого калибра, который был способен ползком, затаившись, прожить жизнь, выжидая удобного момента, чтобы безнаказанно нанести удар и одним махом изменить свою судьбу. В историю Чили он войдет как величайший предатель. Предатель, заставивший армию со-

вершить огромную непоправимую ошибку.

После путча 11 сентября 1973 г. и смерти президента Альенде [4, с. 398–400] власть в республике перешла к хунте, в которую входили главнокомандующие всех родов войск Чили. Пратсу было очень интересно, как смогут договориться Пиночет, Мерино, Ли и Мендоса. Совместная власть еще более усиливает конкуренцию. Хунта со смешанным руководством может быть только переходной [5, с. 164–160].

Жизнь в Аргентине была достаточно тяжелым испытанием для Карлоса Пратса. Мог ли он представить, что будет жить эмигрантом в чужой стране, получая известия о Чили из газет и радио, постоянно ожидая, не приедет ли кто-нибудь оттуда со свежими новостями. Его огорчали вести о разгуле жестокости в рядах вооруженных сил и полиции, который во многих провинциях начался еще накануне путча. Сотни военных были арестованы. Многие сотрудники вооруженных сил и полиции погибли только потому, что остались верны конституционным принципам. Весь мир осуждал хунту и выражал сочувствие ее жертвам. Создавались различные движения солидарности, проводились демонстрации, митинги. Пратс часто задумывался над тем, насколько отличается смерть в бою с врагами Родины от смерти, которая ждет чилийцев в необъявленной жестокой войне стоящих у власти против безоружного народа.

Хунта действовала в примитивном милитаристском духе: в министерства, ректораты университетов, городские и областные органы, посольства, учреждения и на все более или менее важные посты были назначены военные, в том числе отставные. Ни одно из правительств

еще не сосредотачивало в своих руках такой абсолютной власти. Члены хунты, опираясь на насилие, сами наделили себя широкими правами — они могли объявить недействующей или изменить Конституцию, возвратить владельцам законно экспроприированные государством предприятия и блага, буквально являлись хозяевами жизни и смерти в стране.

В конце 1973 г., считал Пратс, закончился период «утверждения» нового режима. Он длился недолго, поскольку хунта с самого начала располагала стопроцентной властью в Чили.

Хунте предстояло управлять государством. Все указывало на то, что она будет делать это исходя из интересов правых и Соединенных Штатов, но постарается скрыть пуповину, связывающую ее с законными родителями — с США и чилийскими правыми. Для Пиночета было нехарактерно гибкое мышление, но, будучи военным, он хорошо знал, что путчистский дух в вооруженных силах и единство армии, ВМФ, ВВС и полиции, обеспеченное для свержения президента Альенде, основывались на том популярном среди военных мнении, что Чили может спасти только военное правительство, не имеющее никакого отношения к политике. Поскольку избежать проникновения политики в казармы было нельзя, нужно было добиться того, чтобы ее влияние было положительным, побуждало изучать социально-экономические проблемы, участвовать в решении задач экономики, распределения, транспорта, образования [7, с. 289–293].

Генерал Пратс был уверен, что события, происходящие в республике, — большое испытание для вооруженных сил. Очень велика вина тех, кто сознательно втянул военных в такую авантюру, откуда нет пути назад. Хотя

он надеялся, что такой путь все-таки найдется, и верил, наступит день мучительного пробуждения.

Представители оппозиции даже после отставки Карлоса Пратса не прекращали попыток запятнать имя бывшего главнокомандующего, не брезговали самой низкой клеветой. «Видели бы те, кто в казармах болтает о „долларовых вкладах генерала Пратса в нью-йоркских и швейцарских банках“, как я каждое утро иду на работу в таком возрасте, когда другие наслаждаются заслуженной пенсией. Видели бы они Софию, которая в пожилом возрасте пробует от-

Ясно, что Пиночет будет удовлетворен лишь тогда, когда добьется от хунты назначения на пост президента Республики. Ясно также, что пока он не добился на это согласия у своих коллег. Но мы знаем, какой он упрямый и какой ловкий интриган. На полпути он не останавливается. Его цель — звание президента Республики со всеми аксессуарами исполнительной власти. Для этого, однако, он должен убедить Мерино, Ли и Мендосу», — писал Пратс в своем дневнике 27 июня 1974 г. «Хунта под влиянием международного давления хочет придать своему режиму видимость конституцион-

Было горько осознавать, что вооруженные силы попали под влияние оппозиции и их стали использовать против конституционного строя, для его свержения.

крыть маленький магазинчик. Может быть, на короткий срок им и удастся этой подлой клеветой ввести в заблуждение нескольких офицеров и подофицеров, которые не знают меня. Но позднее, когда всем будет ясно, что все их действия основаны на клевете и лжи, как дым растает и клевета, обращенная против меня», — писал Карлос Пратс в своем дневнике. Еще одним ударом для генерала стали известия о смерти его друзей и соратников, которые поддерживали его в самые трудные моменты. Генерал Бачелет, Хосе Тоха были отличными товарищами, чистыми и честными людьми. Их смерть, считал Пратс, пятном позора легла на правящий квадриумвират.

«Пиночет — „верховный вождь нации“! Сколько лести, давления, угроз, интриг потребовалось, чтобы он получил согласие на такой титул у трех других членов хунты.

Маловероятно, что эти осторожные попытки приведут к каким-либо результатам. Благодаря запущенному механизму хунта изо дня в день все более отдаляется от общества и существует только благодаря подавлению. Динамизм общества зависит уже не только от ее воли. Вместо того чтобы обеспечить большую демократию, она все больше опирается на секретные службы, превращенные в тайную политическую полицию вооруженных сил» [5, с. 147–151].

«Эта деятельность, за счет того, что во внутренней жизни и принятии решений внутри вооруженных сил теперь могут участвовать и гражданские лица, и преступники, подрывает принцип безусловного подчинения, традиционную лояльность военных по отношению друг к другу, подвергает угрозе безопасность военных учреждений» [7, с. 297–298].

Последняя запись в дневнике генерала была о письме, которое прислала Мой де Тоба, вдова погибшего друга и соратника Пратса Хосе Тоби: «Мой де Тоба прислала письмо. Бьет по сердцу. В нем есть связывающие Хосе, Софию, ее и меня дружба и любовь. Но есть и упрек, почему я до сих пор молчу, зная, что происходит у нас в стране. Мой с трудом понимает, что я не занимаюсь политикой. Она забывает о том, что в качестве министра президента Альенде я многократно грешил против своей чисто военной натуры, когда активно выступал за диалог и договоренности с христианскими демократами, и в конце концов зря. Что бы потеряла хунта, если бы генерал Пратс сейчас вышел на сцену?

Но я чувствую, что в тот день, когда мои соратники осознают свою огромную политическую ошибку, мое теперешнее молчание может оказаться благоприятным: если я тогда заговорю, мои слова могут иметь большое значение. Если бы я молчал, говоря словами Мой, из-за нежелания „погореть“, это означа-

ло бы, что у меня есть политические расчеты, а этому просто нет места в чилийской драме. Это не так. Обстановка в Чили и в основном в вооруженных силах вынуждает меня молчать. Когда наступит время, я заговорю».

Деятельность Карлоса Пратса на посту командующего была достойной и честной, а вовсе не «служением марксизму», как утверждали его противники. Пратс не разделял марксистскую идеологию Сальвадора Альенде, а лишь поддерживал его правительство, потому что оно было законно избранным. Он считал себя прежде всего военным и исходил из того, что его задача как главнокомандующего — оставаться верным Конституции и использовать вооруженные силы для ее защиты.

ПЭС 15062/26.05.2015

Источники

1. Бурстин Э. Чили при Альенде: взгляд очевидца. М.: Мысль, 1979. 279 с.
2. Косичев Л.А. Дневник генерала Пратса, который он не писал // Латинская Америка. 2007. № 6.

3. Годдард Э.Л. Чили раскаленное докрасна. М.: Прогресс, 1973. 278 с.

4. Коваль Б.И. Революционный опыт XX века. Чилийская революция 1970–1973 гг. Ее значение и уроки. М.: Мысль, 1987. 542 с.

5. Сергеев Ф. Чили: анатомия заговора. Империализм. События. Документы. М.: Международные отношения, 1986. 192 с.

6. Отеро Л. Разум и сила Чили. Три года Народного единства. М.: Прогресс, 1983.

7. Золотарев В.А. Помни о прошлом: Конспекты по истории. М., 1994.

8. Рассел Дж. Военный переворот 1973 года в Чили. М.: VSD, 2012. С. 5–18.

9. Документы и материалы зарубежных коммунистических партий. Чилийская революция, фашистская диктатура, борьба за ее свержение и создание новой демократии. М.: Политическая литература, 1978. С. 14–29.

10. Королев Ю.Н. Чилийская революция. М.: Мысль, 1982. С. 146–150.

11. Зайонц А.А. Диктатор и его армии // Свободная мысль. 2004. № 5. С. 54–64.

Carlos Prats — Commander Era of Profound Change

Diana Agaeva

September 11, 1973 in Chili was a military coup. It was not the usual type of rebellion garrison, and well-planned military operation, the of which was made a combined attack using aircraft, artillery and infantry. The rebels were immediately engaged all public and government agencies. The officers refused to support the coup were shot. In a coup toppled President Salvador Allende and the ruling National Unity. To power a military junta, led by General Augusto Pinochet, who succeeded General Carlos Prats, a prominent military and political statesman of Chili, which will be discussed in this article. The article tells about the time of his command of the Chilean army, and climax in his military career. His role in the dramatic events which took place in Chile in the 70th of the XX century. Also shows traces of his personal diary, in which General Prats wrote that meant for his country during the government of Salvadore Allende and what was the real role of the armed forces in the political process of the country.

Keywords: Prats, Salvador Allende, Pinochet, coup, armed forces, politics, Rene Schneider, the diary, Chile, the USA, the opposition, the president.